

18+

МИРАНДА:

история одного лабиринта

Низамбеева Гульназ

Гульназ Низамбеева

**Миранда: история
одного лабиринта**

«Издательские решения»

Низамбеева Г.

Миранда: история одного лабиринта / Г. Низамбеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-698432-5

Миранда, юная пловчиха, выросшая в тени страха и воли. После загадочного исчезновения родителей строгий спорт стал её единственным якорем. Но когда Миранда и ещё семеро подростков попадают в место, где каждое дыхание вызов, а каждая комната кошмар... Вопросы, от которых зависит жизнь. Комнаты, которые ломают тело и память. А выбор всегда один. Здесь нет второго места. Здесь есть ты. Или никто. Погрузись в пугающе реалистичный хоррор о теле, разуме и конструкции, которая умеет думать.

ISBN 978-5-00-698432-5

© Низамбеева Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Порог	6
Глава 2. Лабиринт	11
Глава 3. Комната без звука	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Миранда: история одного лабиринта

Гульназ Низамбеева

© Гульназ Низамбеева, 2026

ISBN 978-5-0069-8432-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Порог

*«Страх не убивает. Он заставляет тебя жить слишком быстро,
чтобы остаться с собой»*

Клаустрофобия — странная вещь. Она не берёт тебя за горло, не кричит в ухо, не гонится с ножом по коридору. Она просто... сжимает. Сначала воздух. Потом грудную клетку. Потом сознание.

Я узнала, что боюсь тесного пространства в семь лет, когда соседский мальчик — Сэм — решил пошутить и запер меня в старом сарае за гаражами.

Он держал дверь не больше минуты. А я, как идиотка, орала так, что охрипла. Плакала потом всю ночь. Мама говорила, что это просто испуг. А я знала: это было нечто другое.

Как будто само пространство, эти жалкие четыре квадратных метра, пытались меня сжать, растереть между стенами, сделать частью себя.

Парадоксально, но я выбрала плавание.

Почему?

Потому что вода — тоже замкнутая. Потому что бассейн — это коробка. Потому что я всегда хотела победить страх, приручить его. И, кажется, он только смеялся в ответ.

Мои родители исчезли семь лет назад. Просто не вернулись с вечерней прогулки. Ни машины, ни свидетелей — только дождь, который хлестал асфальт, стирая любые следы.

Я долго не могла поверить. Сначала думала — ошибка, недоразумение, они просто потерялись, задержались... но прошло три дня, потом неделя, затем года...

Про исчезновение моих родителей никто ничего не говорил, как будто их никогда и не было. Как будто они растворились — как вода уходит в слив.

С тех пор меня воспитывала тётя, строгая и немногословная, не по-семейному отстранённая.

Меня зовут Миранда. Я — занимаюсь плаванием. Не просто спортсменка. Я — часть команды, где у каждого — пульс в унисон, а сны — с хлоркой и стартовым сигналом.

И у нас есть тренер.

Мистер Вайнс. Высокий, широкоплечий, с лицом будто вырезанным из стали. Его взгляд — не просто оценивающий, он просвечивает насквозь, как рентген. Из тех людей, что не спрашивают, что ты чувствуешь. Потому что чувство — это роскошь. Он верит в дисциплину, не в сострадание.

Говорят, в молодости он был настоящей легендой. Пловец с почти нечеловеческими результатами — его звали «Машина». Олимпиец. Затем — травма. Конец карьеры. Несколько лет тишины. Ходили слухи, что он работал инженером-конструктором в оборонной промышленности — точность, расчет, контроль, порядок.

А потом — возвращение в спорт. Но уже, с другой стороны. Не как участник, а как создатель. Архитектор чужой силы. Он тренировал так, как будто программировал людей, как машины. Эмоции мешают скорости.

Для нас он был кем-то вроде Бога. Сурового. Непрощающего. Такого, у кого второй шанс — это проявление слабости.

Я помню первый раз, когда увидела Мистера Вайнса. Мне было пятнадцать. Я только-только перешла из юношеской группы во взрослую и чувствовала себя ничтожеством среди титанов.

Он пришёл на отборочные, как судья. Сел в конце зала, молча, с блокнотом и термосом в руках. Его никто не представлял, он сам не назывался. Просто сидел, будто бы случайно.

Когда я встала на бортик, у меня дрожали пальцы ног. Сердце било не в груди — где-то в горле. Я прыгнула слишком рано, коснулась воды, как стекла, и уже знала, что старт испорчен.

Но потом... потом я плыла.

Я не помню сам процесс, только бешеное желание не быть хуже. Не провалиться. Не быть «той девочкой, которая забыла дыхание».

Когда я вынырнула, он уже стоял. Блокнот под мышкой, руки скрещены. Его взгляд — будто рентген, будто он сейчас решает: из чего ты сделана — из мяса или из стали.

— Имя? — спросил он.

— Миранда, — прохрипела я.

Он кивнул.

— Тебя возьмут.

И всё.

Не «молодец». Не «поздравляю».

Ты пройдена. Следующий.

С того дня я старалась изо всех сил. Не ради медалей — ради взгляда. Чтобы он снова посмотрел и сказал: «ты сделана из стали».

Я научилась дышать по-другому.

Не как обычные люди — полной грудью, свободно. А как те, кто прячется.

Маленькими плотками. Беззвучно.

Научилась это в воде, когда страх бил в висок, как метроном: тук-тук, ты не выйдешь, ты здесь навсегда.

Клаустрофобия — это не только страх быть запертой. Это страх быть забытой.

Как будто тебя закроют, и никто не откроет. Потому что забудут. Потому что ты — неважна.

Воду в бассейне я чувствовала, как крышку гроба. Холодную, тяжелую, давящую.

Но это было мое поле боя. Каждый заплыв — как война с самой собой.

Я разработала собственный способ справляться.

Когда начинала паниковать, представляла, что я — это не я. Что тело — просто механизм. Руки, ноги, дыхание — всё по команде.

Я отключала страх, как старый телевизор.

На секунду. На две.

Этого хватало, чтобы пройти от бортика до бортика.

Выжить.

Однажды я задержалась под водой дольше, чем нужно. Вынужденно — тренер требовал пройти отрезок «на задержке», без глотка воздуха, как будто мы — не люди, а дельфины с кислородным мешком в спине.

Я потеряла ориентацию.

Не знала, где верх, где низ.

Свет от ламп сверху казался иглами, а хлор жёг глаза и кожу.

Сердце забило в панике, а в голове вспыхнул крик: Ты не выберешься. Всё.

Здесь конец.

Я вынырнула, дергаясь, как рыба, и закашлялась. Меня трясло.

Он стоял на бортике.

Смотрел. Молчал.

Потом бросил:

— В следующий раз — либо не паникуй, либо не всплывай. Умри достойно.

Это было не оскорбление. Это была инструкция.

Я научилась не показывать. Ни страха. Ни слабости. Ни сомнений.

Научилась улыбаться в лицо тем, кто толкал тебя в бездну.

Сначала мне казалось, что это победа над собой.

Теперь я думаю — это было что-то другое.

Потеря. Размывание.

Точка, где Миранда закончилась, а началась... просто участница команды.

Он повторял:

— Или ты первый, или тебя не существует.

Когда мы ехали на те соревнования, в автобусе стояла тишина. Ни музыки, ни разговоров. Каждый думал о времени, о дыхании, о старте. И ещё — о нём.

Он сидел спереди, не оборачиваясь. Но нам не нужно было видеть его лицо, чтобы понять: он ждёт золото. Не меньше.

Город, где проходили соревнования, был странным. Мрачным. Как будто слишком серым даже для осени.

И сам бассейн...

Нас сразу предупредили — будет «особенный» формат. Испытательный. Поддержка нового спортивного проекта: бассейн-лабиринт.

Мы думали — шоу. Реклама. Фишка для зрителей.

Но внутри было что-то не так.

Коридоры под водой. Несколько путей до финиша. Повороты, мозаичные стены, зеркальные панели. Казалось, он не для соревнований, а для того, чтобы потеряться.

Мы пришли к финишу. Не первыми. Вторыми.

0.7 секунды.

И всё рухнуло.

Тренер не кричал. Он просто смотрел. Как будто перестал нас узнавать.

Через день он сказал:

— Завтра вы поедете со мной. Новый тип тренировки. Максимально приближенный к экстремальному. Разработан мною лично.

Мы не знали, что тогда вышли за черту. За порог.

За грань, откуда не все возвращаются.

Команду называли «железной». Не из-за результатов — хотя и они у нас были, — а из-за того, как мы держались. Как гвозди, вбитые в доску, мы держались друг за друга и за ту жестокую систему, частью которой стали.

Всего нас было восемь. Семь плюс я.

Роуз — моя соседка по комнате и, наверное, единственная, кому я доверяла по-настоящему. Её голос всегда звучал чуть тише, чем нужно, и взгляд был будто заторможен, как у человека, который живёт внутри своей головы. Но в воде она была быстрой, как выстрел.

Томас — громкий, самоуверенный, шутник. Он всегда первым рвался выполнять задания тренера, как будто хотел доказать, что может быть лидером.

Лиа — тихая, но с глазами бойца. Её мышцы были как натянутые струны, и казалось, что она не плавёт, а режет воду.

Саймон — самый молодой, ещё подросток, но уже с прессом и выправкой морпеха.

Были ещё трое — Айлис, Ник и Джек. Каждый со своей историей, каждый по-своему выдрессирован. Иногда мне казалось, что мы даже не команда, а элементы одного механизма, который собирал тренер под себя, как конструктор из лего, где не должно быть лишних деталей.

Он говорил:

— Если вы не команда, вы — жертвы. Поняли?

Да, поняли. Мы понимали многое, о чём не говорили.

Внутри коллектива — своя иерархия. Неофициальная, но вполне ощутимая. Лидеры и ведомые. Тренер это поощрял. Делал вид, что не замечает, как сильные подминают слабых.

Иногда даже подсказывал. «Не бери её в пару — она тянет вниз», «Пусть он побудет в запасе — не готов».

Самый тяжёлый момент случился зимой, на закрытой тренировке. Тренажёры стояли прямо у бассейна. Воздух — как пар в бане, всё влажное, скользкое, гудящее от крика свистка.

Роуз тогда выглядела неважно. Простыла, но не осмелилась сказать. Температура — под сорок, но она в воде.

Мы делали круговые заплывы с отягощением — специальный жилет, который тянет тебя вниз. Типа учит «добывать силу из отчаяния», как говорил Мистер Вайнс.

На третьем круге Роуз пошла ко дну. Я заметила сразу — слишком долго не всплывает. Кинулась к ней.

Она была без сознания.

Мы вытянули её. Я, Лиа, даже Саймон бросил старт и прыгнул.

Тренер не шелохнулся.

Когда Роуз лежала на плитке, синие губы, глаза закрыты, он подошёл.

Смотрел сверху, как на испорченную вещь.

И сказал:

— Слабость должна умирать. Хорошо, что не утонула. Но выводы надо делать.

Мы делали.

С того дня мы знали: здесь ты либо машина, либо хлам.

Мы жили как в армии. Подъём в 6:00. Зарядка. Завтрак по минутам. Потом тренировка — сухая и в воде. Потом занятия по теории. Потом снова вода.

Свобода? Свобода была только в снах. Но даже там — в хлорированных снах — стоял он. Мистер Вайнс. С секундомером, с жестким голосом, с требованием: быстрее, сильнее, выше.

Иногда я ловила себя на мысли, что не знаю, как звучит мой собственный голос вне воды.

И не знаю, чего хочу — по-настоящему.

Хочу ли я золота? Или просто не хочу быть растоптанной?

Те соревнования были нашим испытанием. Последним отбором. Шансом выбраться из серой массы в историю

И мы — проиграли.

Ничто по меркам вечности. Бесконечность по меркам Мистера Вайнса.

Когда мы вышли из бассейна, тяжело дыша, с красными глазами, с мышцами как бетон, он просто стоял у бортика.

Молча.

Лицо — каменное.

Мы уже знали: хуже крика — только его тишина. Хуже удара — его молчание.

Вечером, на собрании в гостинице, в помещении, где пахло мокрыми полотенцами и стёртым пластиком кресел, он сказал:

— Я видел, как выплыли. И знаете, что скажу? Вы слабые. Вы стали бояться проигрыша больше, чем хотеть победы. Это надо исправлять. Я разработал новую программу. Программа — не для всех. Только для тех, кто готов идти до конца. Завтра — мы выезжаем. Слабые могут остаться. Я не держу.

Он ушел, оставив за собой тяжелый след в воздухе.

Мы сидели молча.

Один за другим мы понимали: никто не останется.

Никто не посмеет.

Мы уже перешли порог.

На рассвете за нами приехал автобус.

Небо было цветом стали, асфальт блестел от ночного дождя.

Я стояла на тротуаре с сумкой через плечо и думала: «Что-то треснуло. Внутри. Но ещё держится.»

Мы ехали туда, где тренировки превращаются в испытания, а страх — в топливо.

Туда, где строятся лабиринты.

И где каждый шаг может стать последним.

Глава 2. Лабиринт

«Ты не в ловушке. Ты — часть конструкции.»

Мы выехали затемно. В автобусе стояла тишина, вязкая и напряжённая. Ни слова. Ни единой шутки. Только хруст шин на асфальте и скрип обивки на поворотах. Казалось, даже дыхание пыталось не выдавать себя.

Мистер Вайнс сидел спереди — неподвижный как статуя, спина прямая, руки на коленях. Напоминал капитана старого корабля, который знал: буря — не враг, а естественное состояние моря. Его взгляд, отражённый в зеркале, был сосредоточен и отстранён. Будто он уже был там, куда мы только ехали.

Сначала была трасса — длинная, ровная. Потом — шоссе, где мимо мелькали одинокие заправки, облупленные указатели, дома с выбитыми окнами. Затем асфальт закончился, и автобус свернул в лес.

С каждым километром казалось, что мы всё дальше от мира, который знали. Деревья становились гуще, небо темнее. Пространство будто сжималось, как свёрнутый лист бумаги.

— Сколько ехать? — шепнул Томас, сидевший рядом.

Я пожала плечами. Мы не знали. Никто не знал. Тренер не говорит. Он просто велел быть готовыми. Мы уже понимали: чем меньше слов — тем тяжелее будет задание.

Место, куда нас привезли, не выглядело как спортивный центр. Оно не выглядело вообще никак.

Старое здание из серого бетона и черного стекла возвышалось посреди выжженного пустыря. Без вывески. Без флагов. Без намека на то, что здесь что-то связано со спортом.

На мгновение мне показалось, что это не центр, а чья-то тюрьма. Или — могила чего-то живого.

Тренер показал карточку охране. Металлические ворота заскрежетали и распахнулись.

— Ходим строем, — сказал он. — Никаких разговоров.

Мы прошли по внутреннему двору. Земля под ногами была серой, словно обугленной. Ни травинки. Ни звука. Только наши шаги.

Внутри здание оказалось пустым и холодным. Белые коридоры, стены с облезлой краской, щели, из которых сочилась влага. Камеры в каждом углу. Ощущение, что за ними наблюдают, появилось сразу — липкое и навязчивое.

Воздух был тяжёлый, влажный, как в трюме.

Я шагала с остальными, чувствуя, как сердце бьётся где-то в животе.

Каждый звук отдавался эхом — наше дыхание, наши шаги, даже биение крови в висках.

Мы спустились вниз — по узкой лестнице. Этаж за этажом, глубже, темнее. Пространство будто теряло форму. Воздух становился плотным, как сироп.

На третьем уровне тренер остановился перед тяжёлой металлической дверью.

— Здесь, — сказал Мистер Вайнс. — Ваш новый бассейн.

Он ввёл код. Дверь со щелчком открылась.

Первое, что ударило в лицо — влажный жар. Второе — тишина. Не обычная, а плотная, давящая. Как будто это место само задерживало дыхание.

Мы вошли.

Это не был обычный бассейн. Это лабиринт.

Бассейн был огромным. Но не обычным прямоугольником — а сетью коридоров под водой. Зеркальные стены. Углы. Повороты. Платформы для старта стояли вдоль разных стен — как в лабиринте.

— Соревнование было тренировкой, — сказал тренер. — Это — реальность.

— Здесь нет «второго места». Здесь либо путь к выходу, либо тупик.
Он дал каждому из нас водонепроницаемую карту. На ней — ничего.
Просто стартовая точка и надпись: «Выбор за тобой».

— Правила просты, — продолжал Мистер Вайнс. — Вы заходите в воду.

— На каждом этапе есть комната. Там загадка. Разгадаешь — откроется проход дальше.
Не разгадаешь — остаёшься.

— А если кто-то заблудится? — тихо спросил Саймон., глядя в пол.

Тренер усмехнулся.

— Заблудиться — это тоже урок.

Мы переоделись в крошечных раздевалках — тесных, со ржавыми скамейками и душем, который скрипел на весь этаж. Я натягивала костюм, чувствуя, как сжимается грудная клетка. Как в детстве — в сарае. Старые демоны просыпались.

«Не думай. Дыши.» — говорила я себе. — «Просто дыши.»

Перед стартом мы выстроились у бортика. Вода в бассейне была тёмная. Чистая, но будто слишком глубокая. Она словно манила вниз.

Я посмотрела на своё отражение — оно колебалось, искажалось, будто не узнавало меня.

Тренер поднял руку.

— На старт, — коротко сказал Мистер Вайнс.

И мы прыгнули.

Вода обняла с головой. Холодная, густая, вязкая. Она будто не впускала, а втягивала — медленно, с усилием, словно проверяя каждого из нас на прочность.

Звук исчез. Остался только гул в ушах — низкий, подводный, как от далёкого механизма. Всё тело стало тяжелым, движения — замедленными.

Я плыла вперёд, стараясь следовать указаниям на своей карте, но та была пуста. Только стрелка «старт» и надпись: «Выбор за тобой».

Только я... И тьма коридоров.

Свет отражался от стеклянных стен, ломался, дублировался, будто само пространство пыталось запутать. Каждое направление казалось одинаково возможным — и одинаково неверным.

Где-то позади мелькнула тень. Или мне показалось?

Я замерла, чувствуя, как всплывает всё забытое: замкнутые пространства, сны, в которых не можешь вынырнуть, дыхание, что заканчивается раньше, чем кончается путь.

Впереди — развилка.

Я выбрала правый туннель.

Оставляя за собой лишь всплеск и исчезающее отражение.

Глава 3. Комната без звука

«Страх — это не враг. Это карта, на которой отмечены все тупики.»

Тишина внутри воды была другой. Не как в пустой комнате, а как в гробу. Густая, глухая, всепоглощающая. Ни плеска, ни эха. Только стук сердца, отдающийся по телу, как зов барабана на чужом ритуале.

Я плыла первой. Остальные — чуть поодаль, их силуэты то появлялись в муть стеклянных стен, то исчезали. Как призраки. Как отражения, не совпадающие с реальностью. Каждый плыл по своей линии, своему коридору. Их было шестеро.

Я свернула налево, как указано на карте — если это можно назвать картой. Белый прямоугольник, на котором — только старт и жирное слово «ВЫБОР». Как будто не они внутри лабиринта, а он внутри каждого из них.

Первый поворот. Темный коридор. Вода здесь была прохладнее, и будто гуще. Я почувствовала, как страх касается спины, как детская рука в темноте.

«Просто дыши. Просто плыви», а — повторила я, дрожащим голосом внутри.

Коридор расширился. Впереди — металлическая дверь. Выход на воздух. Комната. Я вынырнула первой.

Помещение было круглым. Белым. Без мебели. Без углов. Без теней. Всё освещалось из ниоткуда. На стене — только часы, стрелка которых двигалась назад. В центре — чаша с водой. Над ней — табличка:

«Ты не можешь унести это, но если возьмешь — погибнешь. Что это?»

Я застыла. Загадка? Я ожидала чего-то логического. А это — как сон. Как ловушка.

В комнате стало холоднее. Костюм будто прилипал к телу, будто выжимали изнутри. Дверь за спиной закрылась. Ни одного звука. Ни дыхания. Только тик-так... в обратную сторону.

— Что, черт возьми... — прошептала я. И услышала это. Свое эхо. Только оно не повторяло мои слова. Оно смеялось.

Я стиснула зубы. Страх уже лез в горло. Паника.

Что нельзя унести, но нужно взять?

Я закрыла глаза. Представила тренера. Его голос, как лезвие: «Нет второго шанса». Нет ошибок.

«Ты не в ловушке. Ты часть конструкции».

Ответ пришел внезапно.

— Память, — прошептала я. — Или... выбор. Нет. Воздух.

Я сделала вдох — глубокий. И нырнула в чашу. Вода внутри была ледяная. Но под ней оказался проход.

Я решилась.

Когда я вынырнула, моё тело дрожало, но лицо было каменное. Она выбралась в новый отсек — и поняла: прошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.